

КЕРАМИКА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-09
УДК 903.02 (571.1)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ КУРЛЕК (СЕВЕРНЫЕ ПРЕДГОРЬЯ АЛТАЯ)

А. А. Казаков¹, А. А. Тишкин², Н. Ф. Степанова³

¹Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация;

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация;

³Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>, e-mail: kaa-2862@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, e-mail: tishkin210@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, e-mail: nstepanova10@mail.ru

Резюме: Древняя глиняная посуда обладает огромным информационным потенциалом для культурно-исторических реконструкций. Такой вид источников требует всестороннего изучения. В статье представлен комплексный анализ небольшой коллекции фрагментов керамики (около 200 экземпляров), которые происходят из разрушенного культурного слоя поселения Курлек в северных предгорьях Алтая. По форме и орнаментации венчиков в этом собрании выделены и демонстрируются материалы трех известных археологических культур раннего железного века: быстрианской, кулайской и майминской. Важными являются результаты технико-технологического исследования. Зафиксированы семь разных рецептов формовочных масс. Они соотнесены с другими выявленными особенностями изготовления керамической посуды. Сделан вывод о контактах населения быстрианской культуры с представителями кулайской историко-культурной общности. Майминский керамический комплекс демонстрирует смешение различных культурных традиций. Реализованный опыт изучения представленных материалов свидетельствует о необходимости рассмотрения других имеющихся находок в рамках обозначенных культур.

Ключевые слова: северные предгорья Алтая, Курлек, поселение, фрагменты керамики, ранний железный век, орнамент, технико-технологический анализ, быстрианская культура, кулайская культура, майминская культура

Благодарности: Исследование частично выполнено в рамках госзадания № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях» (исполнитель — Н. Ф. Степанова).

Для цитирования: Казаков А. А., Тишкин А. А., Степанова Н. Ф. Керамический комплекс поселения Курлек (северные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 2. С. 157–174. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-09

CERAMICS OF KURLEK SETTLEMENT (NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI)

Aleksandr A. Kazakov¹, Alexey A. Tishkin², Nadezhda F. Stepanova³

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation;

²Altai State University, Barnaul, Russian Federation;

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>, e-mail: kaa-2862@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, e-mail: tishkin210@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, e-mail: nstepanova10@mail.ru

Abstract: Ancient pottery has a tremendous information potential for cultural and historical reconstructions. Such source of information requires a comprehensive study. The article presents a comprehensive analysis of a small collection of ceramic fragments (about 200 items) originating from the destroyed cultural layer of the Kurlek settlement in the northern foothills of Altai. According to the shape and ornamentation of the rims, the collection highlights and demonstrates the materials of three known archaeological cultures of the Early Iron Age: Bystryanskaya, Kulaiskaya and Maiminskaya. The results of the technical and technological research are of special importance. Seven different recipes of pottery paste have been recorded. They have been correlated with other identified features of ceramic production. There has been made a conclusion about contacts of the Bystryanskaya culture population with the representatives of the Kulaiskaya historical and cultural community. The Maiminskaya ceramics showed a mixture of different cultural traditions. Having studied the presented materials, there is still need for further considering other available finds within the framework of the mentioned cultures.

Keywords: northern foothills of Altai, Kurlek, settlement, fragments of ceramics, Early Iron Age, ornament, technical and technological analysis, Bystryanskaya culture, Kulaiskaya culture, Maiminskaya culture

Acknowledgements: The study was partially carried out within the framework of state assignment No. 0329-2019-0003 "Historical and Cultural Processes in Siberia and Adjacent Territories" (performer — N. F. Stepanova).

For citation: Kazakov A. A., Tishkin A. A., Stepanova N. F. Ceramics of Kurlek Settlement (northern foothills of Altai). *The Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(2):157-174. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-09

Введение

Поселение Курлек находится рядом с одноименным селом в Красногорском районе Алтайского края (Россия). Первые сведения о нем относятся к 1987 г., когда местным жителем С. П. Дорофеевым на отмелях р. Иши была собрана коллекция фрагментов керамической посуды, затем переданная им в Красногорский районный краеведческий музей. Поселение расположено на второй надпойменной террасе и разрушается в ходе подмыва левого берега реки. Керамика из указанного музея, обнаруженная С. П. Дорофеевым и другими находчиками, опубликована [Абдулганеев, 2005, с. 9, рис. 1-3; 2007, с. 244; Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 145, рис. 57.-1; 2: 1, 3, 5-7; 3: 1-7]. Эти материалы свидетельствуют о разных культурных комплексах раннего железного века.

В 2017 г. местный житель Е. Сапрыгин сообщил о новых разрушениях поселения Курлек и осуществленных им сборах подъемного материала. Сведения об этом и результаты обследования памятника опубликованы [Тишкин, Казаков, 2021]. Задачей

настоящей статьи является детальная атрибуция и анализ полученного керамического комплекса.

Материалы и методы исследований

Собранная в 2017 г. коллекция керамики насчитывает порядка 200 фрагментов, из которых 140 оказались без орнамента, около 50 — от венчиков и 12 — от плоских днищ. Типологически в ней выделяются четыре культурно-хронологических комплекса. Первый, наиболее ранний, соотносится с быстрианской археологической культурой, второй — с кулайской, а третий — с майминской. Все они датируются ранним железным веком. Четвертый отражает этнографическую современность и рассматриваться не будет.

Анализируемый керамический комплекс сильно фрагментирован. Нет ни одного развала сосуда, позволяющего полностью реконструировать его форму. Имеющиеся обломки плоских днищ не соединяются ни с одним из венчиков, поэтому их культурно-хронологическая принадлежность пока не может быть определена. Не встречаются поддоны. Есть только одно днище с намечающимся или исчезающим (?) поддоном. На одном фрагменте дна сохранились следы обуглившейся органики (возможно, это остатки пищи).

К быстрианской археологической культуре относятся четыре венчика (рис. 1.-1-4). Они все прямые, два имеют округлый срез, два оказались с плоским срезом внутри сосуда. Особое внимание привлекает плоский венчик с нехарактерной для быстрианской керамики формой — с утолщениями (слабо выраженными карнизиками) как с внешней, так и с внутренней стороны (рис. 1.-2). Подобные формы венчиков широко распространены на керамике саровского этапа кулайской культуры [Чиндина, 1984, с. 89–90], встречаются они и на фоминском этапе. Это отражает определенное влияние кулайских традиций на местные быстрианские.

Все венчики украшены по верху одной орнаментальной строкой, в двух случаях состоящей из ямок, а в одном — из «жемчужин». Один фрагмент украшен горизонтальным рядом «жемчужника» с разделителем, которым является отпечаток конца узкого округлого стека (рис. 1.-2).

К кулайской археологической культуре отнесены три венчика (рис. 1.-5-7), два из которых прямые (рис. 1.-6-7) и один слабопрофилированный (рис. 1.-5). Венчики имеют уплощенные срезы внутри сосуда. Они орнаментированы теми же штампами, которыми наносился орнамент на тулово.

Судя по венчикам и учитывая большое количество неорнаментированных фрагментов стенок, можно предположить, что орнаментировалась только верхняя часть сосуда. Из орнаментальных элементов встречены ямки и отпечатки гребенчатого штампа.

Из особенностей нанесения орнаментального элемента ямки можно отметить то, что в одном случае «жемчужник» на внутренней стороне сосуда не заглаживался (рис. 1.-5), а в другом случае заглажен, но не очень тщательно (рис. 1.-6).

При украшении сосуда применялся лишь один орнаментир. Все элементы декора выполнены в статичной манере, методом штампования. Орнаментальная композиция несложная. По верху тулова наносился один горизонтальный ряд ямок, который либо выполнял самостоятельную орнаментальную нагрузку, либо служил разделителем орнаментальных зон. В одном случае он ограничивал верхнюю часть орнаментального

поля, в другом — отделял одну орнаментальную строку от другой. Ямки наносились уже поверх отпечатков гребенчатого штампа либо отпечатки гребенчатого штампа перекрывали ямки, т. е. последовательность нанесения орнаментальных элементов не прослеживается, однако можно констатировать, что во всех случаях, когда совмещаются ямки с другим элементом, они перекрывают друг друга.

Рис. 1. Поселение Курлек. Фрагменты керамической посуды: 1–4 — быстринская культура; 5–7 — фоминский этап кулайской культуры; 8–12 — майминская культура
 Figure 1. Kurlek settlement. Fragments of ceramic ware: 1–4 — Bystryanskaya culture; 5–7 — Fominskii stage of Kulaiskaya culture; 8–12 — Mayminskaya culture

На одном сосуде встречается не более четырех орнаментальных строк. Орнаментальная композиция представлена такими простыми мотивами, как горизонтальный и наклонный. Встречен и сложный мотив — зигзаг.

Особенности орнаментации керамического комплекса позволяют отнести его к периоду формирования фоминского этапа кулайской культуры. На это указывают формы венчика (почти полное отсутствие профилированных венчиков, свидетельствующих о горшковидных формах, только намечающиеся тенденции профилировки), использование одного орнаментального элемента в орнаментальной композиции, отсутствие фигурного штампа, использование упрощенных мотивов, достаточно грубая манера нанесения декора, что характерно как раз для керамики фоминского этапа кулайской культуры [Казakov, 2020, с. 13–16]. Вместе с тем присутствие достаточно сложного орнаментального мотива (зигзаг) на одном сосуде и наличие на его венчике с внутренней стороны небольшого карниза сближает рассматриваемый комплекс с керамическими комплексами саровского этапа [Чиндина, 1984, с. 89–90]. Подобное сочетание позволяет говорить о соотношении рассматриваемого комплекса с начальным периодом бытования фоминской керамики и предварительно датировать его не позднее II в. н.э.

Наиболее представительный комплекс керамики с поселения представляет майминскую культуру (рис. 1.-8–12; 2.-1–8).

Большая фрагментированность материалов не позволяет говорить о формах сосудов, нет ни одного полностью реконструированного сосуда. Наличие фрагментов плоских днищ свидетельствует о плоскодонности если не всех, то подавляющего большинства форм. Профили отдельных венчиков с переходом к плоскому дну свидетельствуют о наличии в этом комплексе чаш.

Профили венчиков вариабельны: прямые, слабопрофилированные и профилированные. Срезы венчиков также различны: округлые, приостренные, плоские со срезом наружу, плоские горизонтальные, плоские со срезом внутрь сосуда. Нередки плоские срезы внутрь сосуда с карнизиком изнутри.

Из орнаментальных элементов присутствуют ямки, отпечатки пальца, гребенчатого и гладкого штампов. Композиция содержит не более трех орнаментальных строк из одного элемента, если не считать его совмещение с ямками. Это обстоятельство позволило типологически разделить культурно-однородный комплекс на четыре подгруппы.

К первой подгруппе отнесены сосуды, украшенные отпечатками пальца (орнамент ногтевой и защитной) (рис. 1.-9–12). Отпечатки пальцев с ямками сочетаются крайне редко. В подавляющем большинстве случаев они выступают как самостоятельный элемент декора. Сосуды этой подгруппы имеют хорошо профилированные венчики, встречена чаша. Венчики в большинстве случаев округлые, с защитами по срезу, с наплывом с внешней стороны. В единичных случаях встречены и другие формы венчика (приостренный и плоский со срезом наружу). Отпечатки пальцев нанесены по верхней части тулова в одну или две орнаментальные строки.

Вторую подгруппу представляют сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом (рис. 1.-8). Следует отметить, что орнаменты были достаточно крупными и имели большие зубцы. В этой подгруппе сочетание орнаментального элемента с ямками встречается уже часто. Украшалась верхняя часть тулова. Орнаментальная компози-

ция простая. По верху тулова наносился один горизонтальный ряд ямок (если они присутствовали), над ним и под ним шли отпечатки гребенчатого штампа. Встречены два простых орнаментальных мотива — наклонный и «елочка».

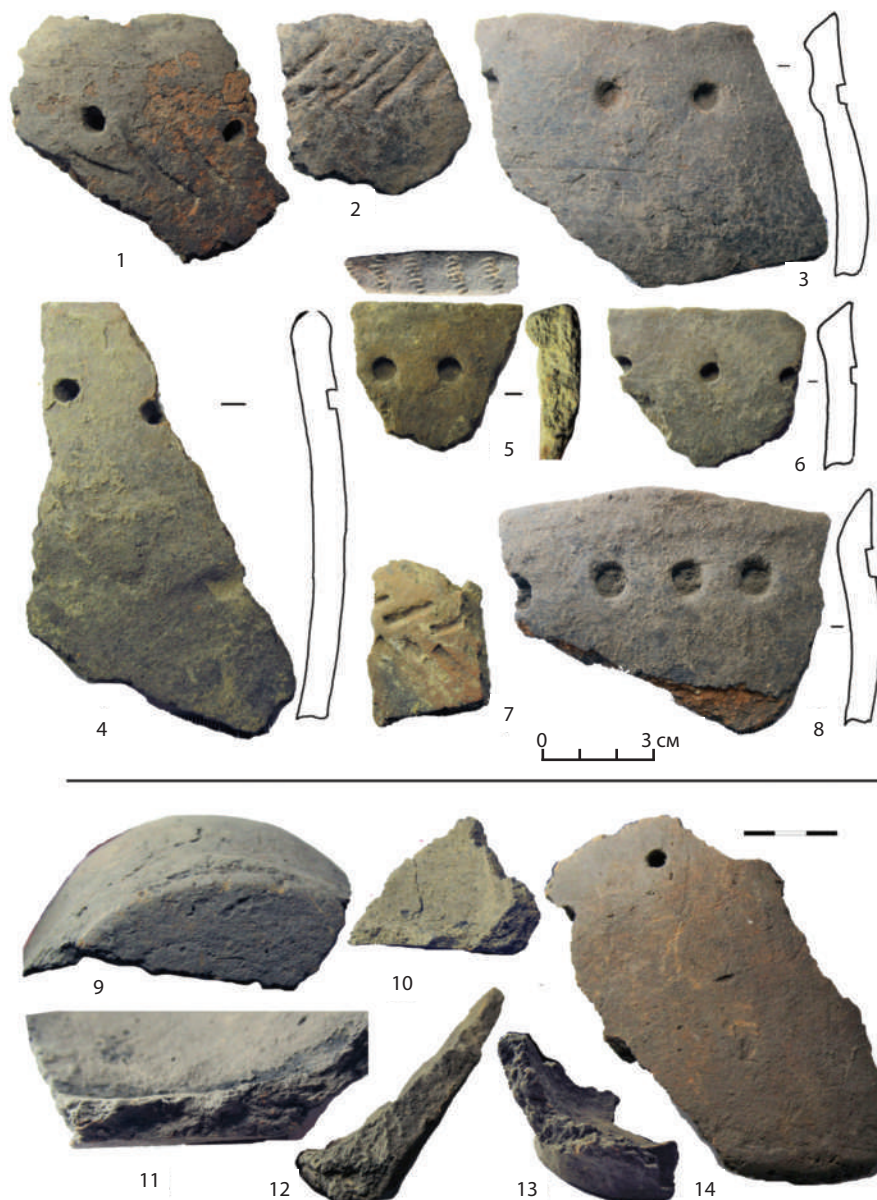

Рис. 2. Находки керамики с поселения Курлек:
1–8 — майминская культура; 9–14 — придонные части
Figure 2. Finds of ceramics from the Kurlek settlement:
1–8 — Maiminskaya culture; 9–14 — bottom parts

Третья подгруппа является майминской «классикой» и украшена отпечатками гладкого штампа (рис. 2.-1, 2, 7). К сожалению, она крайне немногочисленна и представлена всего двумя мелкими фрагментами венчиков плохой сохранности и двумя фрагментами тулова, что не позволяет установить форму сосудов этой подгруппы. Можно лишь отметить, что в двух случаях отпечатки гладкого штампа соседствовали с ямками, что может свидетельствовать о совмещении этих орнаментальных элементов. На сосудах этой подгруппы также зафиксированы две орнаментальные композиции — наклонная и «елочка».

Наиболее многочисленной является четвертая подгруппа: сосуды с обедненной орнаментацией, украшенные только ямками (рис. 2.-3–5). Неорнаментированных венчиков не обнаружено. Встречен лишь один горизонтальный ряд ямок, нанесенных одной строкой по верху тулова, рядом со срезом венчика.

Весь комплекс украшен достаточно небрежно. Интервалы между орнаментальными элементами произвольные, углы наклона отпечатков гребенчатых и гладких штампов сильно отличаются, горизонтальность нанесения условная, больше напоминает непредсказуемую волну, напоминающую «мертвую зыбь».

Распространенные в предшествующей, быстринской археологической культуре «жемчужник» и отпечаток уголка лопаточки на майминской керамике не встречаются.

По ряду признаков (отсутствие поддонов, полудунного штампа, фигурно-штамповых орнаментальных элементов, достаточная представительность гребенчатого штампа и др.) этот комплекс можно отнести к горноелбанскому этапу майминской культуры и предварительно определить его хронологическую принадлежность к IV–VI вв. [Казakov, 2018a].

Для дополнительного получения информации проведен технико-технологический анализ керамики. Было отобрано 25 образцов из различных культурно-хронологических комплексов керамики, представленной на поселении. Из них четыре образца относятся к быстринской археологической культуре, три образца — к фоминскому этапу кулайской археологической культуры, 13 — к майминской археологической культуре. В образцах майминской культуры представлены четыре орнаментальные группы. Отдельно выделена группа керамики из придонных частей сосудов (5 экз.; рис. 2.-9–14), культурно-хронологическая принадлежность которых пока не установлена.

Технико-технологический анализ керамики выполнен в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А. А. Бобринским, с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C [Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2017]. Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). Рассматривались вопросы выделения культурных традиций, выявления местных и неместных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; признаки смешения традиций. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

Анализ проведен для каждой выделенной группы в отдельности и в целом для коллекции. Поскольку группы керамики малочисленные, то отдельное описание каждой из них не приводится, а сведено в таблицу:

Таблица

Исходное сырье и формовочные массы

Table

Raw materials and pottery pastes

	экз.	Исходное сырье				Формовочные массы						
		оже- лест- но- сть		пластич- но- сть		с одной минеральной примесью				с двумя мин. примесями		
		ож	сл	пл	сред	г+д+о	г+д	г+ш+о	г+п+о	г+д+ш	г+д+ш+о	г+о
Быстрянская культура												
	4	4	—	4		1				2	1	
Фоминский этап кулайской культуры												
	3	3		3		2					1	
Майминская культура												
1 подгр.	4	3	1	3	1	1		1	2			
2 подгр.	1	1			1							1
3 подгр.	3	3		1	2	3						
4 подгр.	5	5		4	1		3			1	1	
Всего	13	12	1	8	5	4	3	1	2	1	1	1
Днища												
	5	5		5		3					2	
Итого		24	1	20	5	10	3	1	2	3	5	1
						13	1	2		8		1

Исходное сырье. Для поселения Курлек характерна керамика, изготовленная из среднежелезистых глин. Лишь один сосуд майминской культуры (рис. 1.-12) был из слабожелезистого сырья. Исходное сырье преимущественно пластичное. В исходном сырье большинства сосудов зафиксирован песок, представленный обломками кварца, реже — других минералов. Размер частиц от 1 до 3 мм, изредка крупнее. Выделяется один сосуд концентрацией песка до 1:4 и составом минералов (рис. 1.-8). В исходном сырье большинства изделий встречается бурый железняк (56% образцов). Отличается один сосуд (рис. 1.-7), в исходном сырье которого много бурого железняка, хотя обычно встречается одна частица на несколько кв. см. В целом для изготовления керамики использовалось несколько источников глин.

Формовочные массы. В результате исследований зафиксированы семь рецептов: глина + дресва + органика (40%); глина + дресва (12%), глина + дресва + шамот + органика (20%); глина + дресва + шамот (12%), глина + шамот + органика (4%), глина + песок + органика (8%), глина + органика (4%).

Концентрация дресвы — 1:4–5, размерность частиц от 1 до 4 мм, чаще 1–2 мм (более крупные частицы характерны для быстрянской и фоминской керамики). Концентрация

шамота — от 1:4–5 до 1:5–6 (7), размер частиц от 1 до 3 м. В шамоте в нескольких случаях зафиксирована дресва. Органика представлена растворами. В отдельных случаях органики мало и характер ее не ясен (искусственно введенная или естественная). Из всей коллекции выделяются два образца (рис. 1.-7, 12). В них зафиксированы следы раствора, который после обжига не исчез и приобрел красный или красно-коричневый цвет.

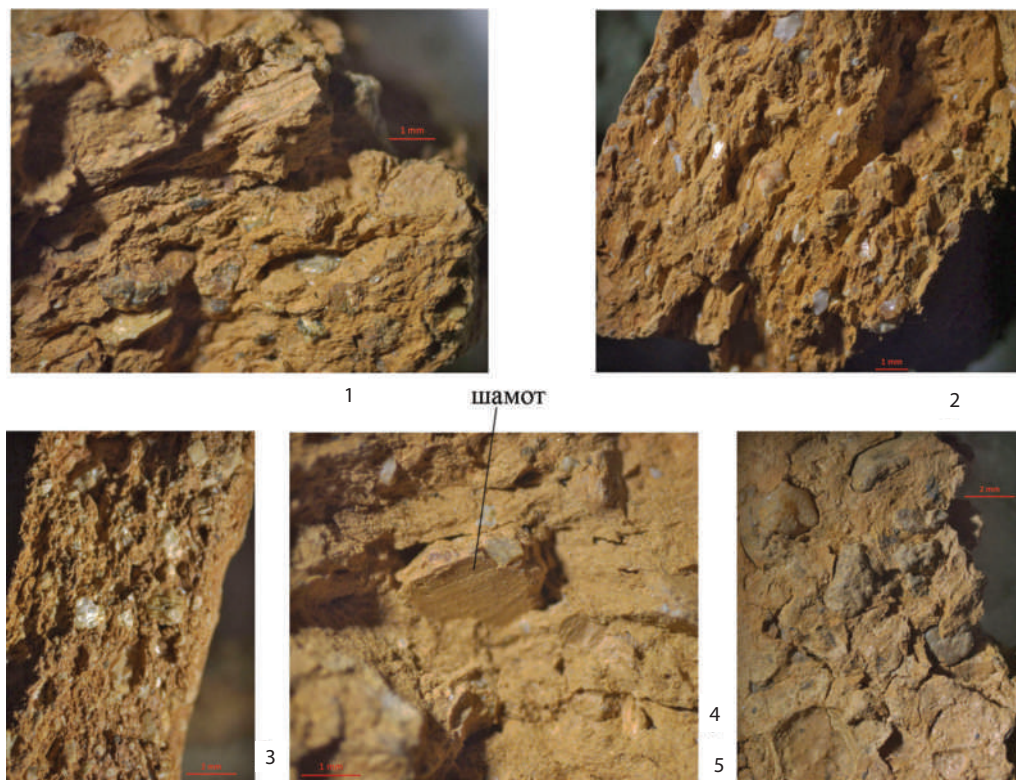

Рис. 3. Поселение Курлек. Фрагменты керамики с дресвой (1, 2, 3), с шамотом и дресвой (4) и песком (5)

Figure 3. Kurlek settlement. Fragments of ceramics with grus (1, 2, 3), with chamotte and grus (4) and sand (5)

Несмотря на то, что рецепты с дресвой характерны для памятника, необходимо особо отметить сосуд, относящийся к майминской культуре. Для дробления использован камень, необычный для памятника, — минерал бело-молочного цвета, который легко распадается на частицы размером ок. 1–2 мм (рис. 3.-3). Не характерна и концентрация дресвы — 1:2. Как правило, концентрация дресвы в керамике с этого памятника 1:4–5. В нескольких случаях (ок. 24%) для дробления использован другой не совсем обычный камень (рис. 3.-1). Видимо, гранит, также легко распадающийся на частицы, представленные совокупностью разных минералов, в том числе черного цвета. Еще одна группа (ок. 36% сосудов) включает обломки кварца (рис. 3.-2). Это позволяет сделать вывод, что на памятнике при изготовлении керамики использовалось несколько разновидно-

стей камней. Вероятнее всего, это не случайно и может быть связано как со сложившимися ранее традициями, так и с появлением нового населения на данной территории. Отметим, что в формовочные массы майминской керамики, украшенной ямками, добавляли дробленый кварц. Такой же состав дресвы оказался и в формовочных массах трех днищ сосудов, определение культурной принадлежности которых затруднительно. На основании изучения состава формовочных масс можно предположить, что эти обломки днищ относятся к майминской группе керамики с ямками.

По наличию минеральных примесей рецепты объединены в группы: 1) с одной минеральной примесью, здесь три варианта — с дресвой, шамотом и песком (рис. 3.-1–3, 5; 2) с двумя минеральными примесями — дресва + шамот (рис. 3.-4; 3) без минеральных примесей, введенных искусственно. Преобладает рецепт «г + д + о» (40%) и в целом рецепты с одной дресвой (52%). Однако количество сосудов с рецептами, отражающими смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей («д + ш»), достаточно велико — 32%. Такие рецепты зафиксированы в группах керамики быстрянской, фоминской, майминской (с ямками) культур и в днищах. Необычны для поселения три рецепта: «г + ш + о», «г + о» и «г + п + о». Первый распространен у населения равнинных районов, где нет выходов камня. Второй обычно встречается при изготовлении керамики из средне- и низкопластичного исходного сырья. К совсем необычным относится рецепт «г + п + о». Подобный рецепт на Алтае зафиксирован лишь однажды на поселении Ново-Зыково-3, расположенном в непосредственной близости от поселения Курлек (не более 7 км по прямой) [Степанова, Казаков, 2019]. К сожалению, в настоящее время сложно говорить о происхождении этой традиции. Очевидно, что она связана с особой группой населения, неместной на данном памятнике.

Обсуждение полученных результатов

Учитывая наличие на памятнике материалов фоминского этапа кулайской культуры и влияние фоминских традиций на керамический комплекс быстрянцев (форма венчика), можно говорить о взаимодействии быстрянского населения с кулайским именно в то время. Кроме материалов поселения Курлек, опубликованных в данной статье, фоминские комплексы имеются и в материалах других сборов с этого памятника, проведенных в 1987 г. С. П. Дорофеевым на отмелях р. Иша в районе с. Курлек [Абдулганеев, 2005; 2007; Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 145, рис. 57.-2: 1]. Подобное взаимодействие позволяет отнести быстрянский комплекс к финальным этапам его бытования, а фоминский, напротив, к ранним — к периоду его формирования на территории Лесостепного Алтая и выделения из саровских материалов.

Поскольку «жемчужник» не встречается на керамических комплексах Горного Алтая рубежа эр — первого тысячелетия [Соенов В. И., Константинов, Соенов Д. В., 2011, с. 258; Соенов В. И., Соенов Д. В., Константинов, 2016, с. 139], а «жемчужник» с разделителем является распространенным элементом на керамике быстрянской культуры, как и ряды ямок [Казаков, Казакова, 2018], то этот комплекс уверенно можно соотносить с памятниками быстрянской культуры предгорной зоны Алтая. Дополнительным аргументом можно считать, что поселение Курлек расположено в ареале распространения памятников этой культуры [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 62]. К сожалению, более подробной типологии керамического комплекса быстрянской культуры не разработано,

поэтому этот комплекс можно датировать периодом ее существования в пределах VI в. до н.э. — I в. н.э. [Казаков, Казакова, 2018, с. 183–184; Степанова, Казаков, 2018, с. 37]. С учетом вышеприведенных аргументов о взаимовлиянии и контактах с фоминским населением мы можем определить датировку этого комплекса рамками I в. до н.э. — I в. н.э. и отнести его к финальным этапам существования быстрянской культуры.

Комплексов майминской культуры в настоящее время известно достаточно много (около 30 [Казаков, 2019]). Интерес к их изучению в последнее время значительно вырос [Соенов В.И., Константинов, Соенов Д.В., 2011; Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов, 2016; Киреев, 2018; Казаков, 2019; Степанова, Казаков, 2019а–б; и др.]. Все памятники этой культуры представлены поселениями, могильников пока не известно [Казаков, 2018б]. Несмотря на возросший интерес исследователей, вопросов в изучении майминской культуры меньше не стало. Если говорить о собственно майминских комплексах, то в настоящее время они изучены неплохо. Однако вопросы взаимодействия майминской культуры с другими культурными образованиями и ее происхождения пока находятся даже не в начальной, а в зачаточной степени разработанности.

Майминская культура выделена М. Т. Абдулганеевым [1992; 1993]. В своих работах он указывал на компоненты, взаимодействие которых, по его мнению, привело к формированию майминской культуры. Это местное быстрянское население и пришельцы из горных районов [Абдулганеев, 1993, с. 3–5]. На основании анализа исторической ситуации по письменным источникам была предложена оригинальная гипотеза появления майминского населения в предгорьях Алтая в результате насильственного переселения, которая пока недостаточно подкреплена археологическими материалами [Горбунов, 2019, с. 281].

Изучение керамических комплексов майминских поселений позволяет говорить о тесном взаимодействии майминского населения с представителями кулайской и одинцовской культур, фиксируемых по наличию кулайских элементов орнаментации на изделиях майминских мастеров и взаимовстречаемости майминских и одинцовских сосудов в закрытых комплексах (хозяйственная яма) [Скопинцева, 1993, с. 65, рис. 1-11; Казаков, Казакова, 2019, с. 129]. Кроме этого, уже неоднократно отмечалось отсутствие преемственности культурных традиций между предшествующим быстрянским населением и «майминцами». В керамических комплексах этих культур не наблюдается никаких параллелей.

В решении этих вопросов особую актуальность приобретают памятники, на которых соседствуют хронологически последовательные материалы, каковым и является поселение Курлек.

На основании технико-технологических исследований необходимо отметить, что для такой небольшой коллекции выделено значительное количество рецептов. Наличие рецептов, отражающих смешение навыков в использовании минеральных примесей, свидетельствует о перемещениях населения с разными культурными традициями из различных ландшафтных зон и о брачных контактах в разные периоды функционирования памятника (быстрянской, фоминской, майминской культур). Глины для изготовления керамики брали из нескольких залежей, в том числе для каждой из выделенных групп керамики отмечены разные источники сырья. Это может быть связано

как с распыленностью изготовления керамики, так и с освоением новых земель, т. е. гончары осваивали новые для себя территории. Тем не менее выделяется ряд черт, характерных для данного памятника: например, использование в основном среднежелезненных и пластичных глин. К одному из самых необычных и по сырью, и по минеральным примесям относится сосуд майминской культуры с отпечатками пальца (рис. 1.-12). Необходимо отметить также, что основная минеральная примесь — это дресва, что подтверждает наблюдения, сделанные ранее, т. е. в местности, где есть возможность использовать камень для дробления при подготовке формовочных масс, использовали камень [Степанова, 2015].

Учитывая сравнительно большое количество сосудов, изготовленных по рецептам, отражающим смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей (дресва + шамот), можно говорить, что поселение располагалось в контактной зоне, в которой происходило взаимодействие разных групп населения. Расположение памятника в предгорной зоне, где имеется большое количество выходов камня, обусловило то обстоятельство, что при изготовлении формовочных масс использовалась преимущественно дресва. Поэтому необычным для поселения является рецепт глина + шамот + органика, который распространен в регионах с дефицитом камня, где нет его выходов, т. е. в равнинных районах (степь, лесостепь, тайга). Его наличие на памятнике связано с контактами населения.

Таким образом, стоит утверждать, что одно из направлений культурных связей населения майминской культуры северных предгорий Алтая было ориентировано на север — на равнинные территории.

Говоря о других комплексах, можно попытаться проследить различные компоненты, которые оказали влияние на культурно-исторические процессы северных предгорий Алтая.

Одно из наблюдений, касающееся взаимодействия населения быстрянской культуры с представителями фоминского этапа кулайской культуры, уже отмечено. Это касается фрагмента венчика с плоским срезом внутрь сосуда и карнизиками с внешней и внутренней стороны (рис. 1.-2). Наличие морфологических признаков контактов, возможно, подтверждается смешением культурных традиций в группе керамики быстрянской культуры, в которой преобладают рецепты, характерные для различных ландшафтных зон и связанные с разными группами населения. Это рецепты «г + д + ш» и «г + д + ш + о». 75% образцов из общего количества фрагментов быстрянской керамики отображают это взаимодействие, в том числе и образец с морфологическими признаками, о котором уже говорилось.

То же можно сказать и о комплексе фоминского этапа кулайской культуры. Из трех образцов, подвергшихся анализу, в двух зафиксированы местные доминирующие традиции изготовления формовочных масс («г + д + о»), в одном, наиболее типичном для этого комплекса, — смешанные традиции («г + д + ш + о»). Это может свидетельствовать о наличии культурного импульса со стороны кулайского населения на рубеже эр, благодаря которому в северных предгорьях Алтая наблюдается смешение разных культурных традиций, в частности, морфологических, с последующей оторванностью кулайского населения от метрополии и его постепенной ассимиляцией мест-

ной культурной средой. Возможно подобное взаимодействие и на уровне брачных контактов, что вполне объяснимо и даже рационально в условиях закрытых обществ [Энгельс, 1983, с. 129].

Своеобразен комплекс майминской керамики. Отмечены семь рецептов для 13 образцов, наблюдается смешение культурных традиций, использование разных пород камня для дробления и выявлены необычные навыки в использовании минеральных примесей (табл.). Смешение культурных традиций («г + д + ш» и «г + д + ш + о») отмечено в двух фрагментах керамики, подвергшихся анализу, и в двух придонных частях. В восьми зафиксирована местная традиция приготовления формовочных масс (добавление дробленного камня) и четыре представляют явно пришлые традиции («г + ш + о», «г + п + о», «г + о»). В трех образцах отражены навыки, характерные для равнины, а еще в одном, вероятнее всего, — горных районов.

Кроме направлений векторов культурного влияния, выделить конкретные археологические культуры, с которыми взаимодействовало майминское население, пока сложно. Образцы керамики, изготовленные с использованием неместных рецептов формовочных масс (рис. 1-8, 10-12), в настоящее время культурно-хронологически однозначно определить не представляется возможным. Это касается прежде всего сосудов, основным элементом орнаментации которых являются отпечатки пальцев или ногтя. К сожалению, «чистых» комплексов подобной керамики не известно, в погребально-поминальных комплексах данная керамика не встречена. Нами она интерпретируется как майминская, так как присутствует во всех известных комплексах майминской керамики, в том числе в закрытых объектах поселенческих комплексов (жилища, хозяйственные постройки и ямы).

Заключение

Таким образом, на основании исследования керамического комплекса поселения Курлек можно говорить об определенных контактах быстринского населения с представителями кулайской культуры, приведших к незначительной трансформации некоторых культурных традиций быстринского населения. Немаловажным результатом проведенного исследования можно считать расширение границ ареала распространения ранних фоминских комплексов в северо-восточном направлении. Майминский комплекс свидетельствует об открытости культуры к контактам с инокультурными образованиями. Это подтверждает керамика, изготовленная из формовочных масс с рецептами, отражающими смешение различных культурных традиций («д + ш»). Более того, проведенное исследование показало, что эти контакты происходили с населением как южных, горных районов, так и северных, равнинных и таежных. Наличие рецептов формовочных масс, характерных для равнинных территорий, позволяет говорить о большой интенсивности контактов с населением, проживающим в этих районах. Эти выводы подтверждают ранее выдвинутые гипотезы, делая их более доказательными.

Необходимо отметить наличие сохранившейся части памятника, несмотря на постоянное разрушение рекой [Тишкин, Казаков, 2021], и перспективность его дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдулганеев М. Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : [Б.и.], 1992. С. 52–53.
- Абдулганеев М. Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1993. С. 3–5.
- Абдулганеев М. Т. Археологические находки из музея с. Красногорское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 7–10.
- Абдулганеев М. Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.
- Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М. : Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Горбунов В. В. Майминская культура // История Алтая: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 281–286.
- Казаков А. А. Керамический комплекс майминской археологической культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии (сетевое издание). 2018а. № 4 (43). С. 74–83.
- Казаков А. А. Опубликованные памятники 1–2 тысячелетий с территории Алтайского края: справочник. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018б. 194 с.
- Казаков А. А. Майминская археологическая культура предгорий Алтая: историографический обзор // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5, № 1. С. 67–78 DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-1-67-78.
- Казаков А. А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 7–23.
- Казаков А. А., Казакова О. М. Поселение Новозыково-3 (комплекс быстринской культуры) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2018. № 5 (103). С. 179–184.
- Казаков А. А., Казакова О. М. Поселение Новозыково-3 (комплекс раннего Средневековья) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 1 (23). С. 124–135.
- Киреев С. М. История изучения и краткие итоги исследования хронологии и культурного определения материалов поселения Майма-1 на северном Алтае // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск : [Б.и.], 2018. С. 54–64.
- Кунгурова Н. Ю., Абдулганеев М. Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 214 с.

Скопинцева Г. В. Новые памятники первой половины 1 тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 62–71.

Соенов В. И., Константинов Н. А., Соенов Д. В. Особенности топографии и хронологии городищ Алтая и его Северных Предгорий // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 252–260.

Соенов В. И., Соенов Д. В., Константинов Н. А. Древние городища Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2016. 244 с.

Степанова Н. Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.

Степанова Н. Ф., Казаков А. А. Керамика с поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 36–42.

Степанова Н. Ф., Казаков А. А. Особенности керамического комплекса раннего железного века и раннего средневековья поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая (по результатам технико-технологических исследований) // Теория и практика археологических исследований. 2019а. №4 (28). С. 69–79.

Степанова Н. Ф., Казаков А. А. Об особенностях орнаментации керамики майминской культуры по материалам поселения Майма-1 (предварительные итоги) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019б. Вып. XXV. С. 253–259.

Тишкин А. А., Казаков А. А. Сборы подъемного археологического материала у села Курлек в Красногорском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. Вып. XXVII. С. 310–315.

Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2017. 384 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. избранные произведения в 3 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1983. С. 211–370.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. Raskopki u Majmy i Enisejskogo [Excavations at Maima and Yeniseisky]. Problemy sohraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arheologii [Problems of Preservation, Use and Study of Archaeological Sites]. Gorno-Altajsk : [B.i.], 1992. Pp. 52–53. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T. Majminskaya kul'tura (predvaritel'nye itogi i perspektivy izucheniya) [Majminskaya Culture (Preliminary Results and Perspectives of the Study)]. Kul'turno-geneticheskie processy v Zapadnoj Sibiri [Cultural and Genetic Processes in Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1993. Pp. 3–5. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T. Arheologicheskie nahodki iz muzeya Pp. Krasnogorskoe [Archaeological Finds from the Museum with. Krasnogorskoe]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya [Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Vyp. XIV. Pp. 7–10. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T. Krasnogorskij rajon v drevnosti [Krasnogorsk District in Antiquity]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya [Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Vyp. XVI. Pp. 237–304. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T., Vladimirov V. N. Tipologiya poselenij Altaya 6–2 vv. do n. e. [Typology of Altai Settlements 6–2 Centuries. BC]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 148 p. (*In Russ.*)

Bobrinskij A. A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy [Pottery of Eastern Europe]. M. : Nauka, 1978. 272 p. (*In Russ.*)

Bobrinskij A. A. Goncharnaya tehnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara : Izd-vo SamGPU, 1999. Pp. 5–109. (*In Russ.*)

Gorbunov V. V. Majminskaya kul'tura [Mayminskaya Culture]. Istoriya Altaya: Drevnejshaya epoha, drevnost» i srednevekov'e [History of Altai: The Most Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod: Konstanta, 2019. Pp. 281–286. (*In Russ.*)

Kazakov A. A. Keramicheskij kompleks majminskoj arheologicheskoy kul'tury [Ceramic Complex of the Maiminskaya Archaeological Culture]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (setevoe izdanie) [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography (Online Edition)]. 2018a. № 4 (43). Pp. 74–83. (*In Russ.*)

Kazakov A. A. Opublikovannye pamyatniki 1–2 tysyacheletij s territorii Altajskogo kraja: spravochnik [Published Sites of 1–2 Millennia from the Altai Territory: a Reference Book]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018b. 194 p. (*In Russ.*)

Kazakov A. A. Majminskaya arheologicheskaya kul'tura predgorij Altaya: istoriograficheskij obzor [Maiminskaya Archaeological Culture of the Altai Foothills: a Historiographic Review]. Mir Bol'shogo Altaya [World of Greater Altai]. 2019. T. 5, № 1. Pp. 67–78. (*In Russ.*) DOI:10.31551/2410-2725-2019-5-1-67-78.

Kazakov A. A. Poselenie Blizhnie Elbany-IV (po materialam Gosudarstvennogo Ermitazha) [Settlement Near Elbany-IV (Based on Materials from the State Hermitage)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2020. № 2 (30). Pp. 7–23. (*In Russ.*)

Kazakov A. A., Kazakova O. M. Poselenie Novozykovo-3 (kompleks bystryanskoj kul'tury) [Settlement Novozykovo-3 (Complex of Bystryanskaya Culture)]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologiya [Bulletin of the Altai State University. Historical Sciences and Archaeology]. 2018. № 5 (103). Pp. 179–184. (*In Russ.*)

Kazakov A. A., Kazakova O. M. Poselenie Novozykovo-3 (kompleks rannego Srednevekov'ya) [Settlement Novozykovo-3 (Complex of the Early Middle Ages)]. Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2019. № 1 (23). Pp. 124–135. (*In Russ.*)

Kireev Pp. M. Istoriya izucheniya i kratkie itogi issledovaniya hronologii i kul'turnogo opredeleniya materialov poseleniya Majma-1 na severnom Altae [History of the Study and

Brief Results of the study of the Chronology and Cultural Definition of Materials from the Maima-1 settlement in Northern Altai]. *Znachenie prirodnogo i kul'turnogo naslediya v sovremennom obshchestve* [The Importance of Natural and Cultural Heritage in Modern Society]. Gorno-Altajsk : [B.i.], 2018. Pp. 54–64. (*In Russ.*)

Kungurova N. Yu., Abdulganeev M. T. Majminskaya kul'tura. Po materialam poselenij Salaira i Predaltajskoj ravniny 1-j pol. i tys. n. e. [Mayminskaya Culture. Based on Materials from the Settlements of Salair and the Pre-Altai Plain, 1st floor. 1st Millennium AD]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. 214 p. (*In Russ.*)

Skopinceva G. V. Novye pamyatniki pervoj poloviny 1 tys. n. e. v predgor'yah Altaya [New Sites of the First Half of the 1st Millennium AD in the Foothills of Altai]. *Kul'tura drevnih narodov Yuzhnoj Sibiri* [Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 62–71. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Konstantinov N. A., Soenov D. V. Osobennosti topografii i hronologii gorodishch Altaya i ego Severnyh Predgorij [Features of the Topography and Chronology of the Altai Settlements and its Northern Foothills]. "Terra Scythica": Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica" ["Terra Scythica": Proceedings of the International Symposium "Terra Scythica"]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. Pp. 252–260. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Soenov D. V., Konstantinov N. A. Drevnie gorodishcha Altaya [Ancient Settlements of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2016. 244 p. (*In Russ.*)

Stepanova N. F. Kul'turnye tradicii v vybore ishodnogo syr'ya i mineral'nyh primesej pri izgotovlenii keramiki po materialam gornyh, predgornyh, stepnyh i lesostepnyh rajonov Altaya [Cultural Traditions in the Choice of Raw Materials and Mineral Impurities in the Manufacture of Ceramics Based on Materials from Mountain, Foothill, Steppe and Forest-steppe Regions of Altai]. *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. 2015. №4 (13). Pp. 90–95. (*In Russ.*)

Stepanova N. F., Kazakov A. A. Keramika s poseleniya Novozykovo-3 iz predgornogo Altaya [Ceramics from the Settlement of Novozykovo-3 from the Foothill Altai]. *Sovremennye resheniya aktual'nyh problem evrazijskoj arheologii* [Modern Solutions to Pressing Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Vyp. 2. Pp. 36–42. (*In Russ.*)

Stepanova N. F., Kazakov A. A. Osobennosti keramicheskogo kompleksa rannego zheleznoogo veka i rannego srednevekov'ya poseleniya Novozykovo-3 iz predgornogo Altaya (po rezul'tatam tehniko-tehnologicheskikh issledovanij) [Features of the Ceramic Complex of the Early Iron Age and the Early Middle Ages of the Settlement of Novozykovo-3 from the Foothills of Altai (Based on the Results of Technical and Technological Research)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019a. №4 (28). Pp. 69–79. (*In Russ.*)

Stepanova N. F., Kazakov A. A. Ob osobennosti ornamentacii keramiki majminskoj kul'tury po materialam poseleniya Majma-1 (predvaritel'nye itogi) [On the Peculiarities of the Ornamentation of the Maima Culture Ceramics Based on Materials from the Maima-1 Settlement (Preliminary Results)]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019b. Vyp. XXV. Pp. 253–259. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Kazakov A. A. Sborny pod'emnogo arheologicheskogo materiala u sela Kurlek v Krasnogorskom rajone Altajskogo kraja [Collection of Lifting Archaeological Material Near the Village of Kurlek in the Krasnogorsk District of the Altai Territory]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. Vyp. XXVII. Pp. 310–315. (*In Russ.*)

Cetlin Yu. B. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podhoda [Ceramics. Concepts and Terms of the Historical and Cultural Approach]. M. : IA RAN, 2017. 384 p. (*In Russ.*)

Chindina L. A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epohu zheleza [Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age]. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1984. 256 p. (*In Russ.*)

Engel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [Origin of the Family, Private Property and the State]. Marks K., Engel's F. izbrannye proizvedeniya v 3 t [K. Marx, F. Engels, Selected Works in 3 Volumes]. T. 3. M. : Politizdat, 1983. Pp. 211–370. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация.

Aleksandr Albertovich Kazakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Российская Федерация

Alexey Alexeevich Tishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul, Russian Federation.

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск — Барнаул, Российская Федерация.

Nadezhda Fyodorovna Stepanova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk — Barnaul, Russian Federation.

Материал представлен в редколлегию 11.04.2021.

Статья принята в номер 19.05.2021.